

25. Платонов А. П. Город Градов. Повесть // Платонов А. Ювенильное море. Повести. Рассказы. Публикации. Пьеса. — Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. из-во, 1988. — С. 7—40.
26. Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. — М., Наука, 2004. — 258 с.
27. Родоман Б. Б. Узловые районы // Теоретическая география. Вопросы географии, Сб. 88. — М.: Мысль, 1971. — С. 97—118.
28. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. — М. — Л. Госиздат, 1928. — 312 с.
29. Филиппов А. Ф. Социология пространства. — СПб.: Изд-во «Владимир даль», 2008. — 285 с.
30. Шанин Т. Иное всегда дано... Записала Г. Бельская // Знание — сила. 1990. № 9. — С. 12—17.
31. Щедровицкий П. Г. Сбежать из мёртвой зоны // Аргументы и факты. 2005. № 6.
32. Ядов В. А. Россия в мировом пространстве // Социологические исследования, 1996. № 3. — С. 27 — 30.

А.Е. Левинтов

УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. КРИТИКА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ НАУЧНОЙ БАЗЫ

В основе советской экономики, безусловно, лежит марксизм: «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства» [1]. Человек в этой схеме может претендовать разве что на место среди «прочих элементов производства». Именно этим обстоятельством может быть объяснена вся история и суть советской экономики.

Необходимость в централизованном управлении и, как вскоре выяснилось, в планировании возникла из капитального факта национализации всей промышленности и отмены частной, включая общественную, церковную и акционерную, собственности: «Рабочее государство национализировало капиталистические тресты, пополнив их

отдельными предприятиями той же отрасли промышленности, и по типу таких трестов объединило предприятия нетрестированных при капитализме отраслей промышленности. Это превратило промышленность в ряд могущественных вертикальных объединений, хозяйственно изолированных друг от друга и только на верхушке связанных Высшим Советом Народного Хозяйства» [2]. Преодолеть советские тресты было решено за счет районирования, которое (об этом так до конца не догадались до сегодняшнего дня) оказалось не альтернативой и противовесом возникшим отраслевым монстрам, а жалкой и уменьшенной в масштабе пародией, созданием множества маленьких совдепий, кроить и перекраивать которые стало любимой забавой высшего руководства страны и Госплана.

Если бы подобного рода государственная монополизация произошла в Германии, США или любой другой развитой западноевропейской стране, где благодаря высокому охвату промышленности монополиями и качественному уровню самих монополий с трудом, но экономика бы выдержала этот удар, то в России монополизация еще «ходила на помочах», а уровень концентрации промышленного производства, в силу исторических и природно-климатических причин, был самый высокий в мире. Именно об этой опасности предупреждал в конце XIX в. Ф. Энгельс, говоривший, что Россия менее всех в Европе готова к переходу в новую формацию.

Еще не существующее большевистское государство стало монопольно обладать всей промышленностью страны — и это привело к катастрофе. Всё последующее, включая сегодняшние дни, есть раскаты и отголоски продолжающейся экономической тектоники, властного глумления над экономикой и ценами, «жалкий лепет оправдания» учеными этой вакханалии.

По разрушительной силе катастрофа национализации с госмонополизацией и созданием впервые в мировой практике отраслевых промышленных министерств (трестов, наркоматов) превзошла даже явно криминальную «приватизацию» 90-х годов.

При этом надо заметить, что советские тресты были организованы не по технологическим признакам, а по единству выпускаемого продукта: «Главсахар», «Главсало», «Главдрова». В этом смысле нынешний «Газпром» организационно и, по сути, ничем не отличается от ставшей анекдотичной «Главспички». «Методы централизма... которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах... имели своим последствием те чудовищные формы волокиты, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству. Организационная задача состоит в том, чтобы, сохраняя и развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов» [2, с. 481].

Главная ошибка советской экономики

Сразу надо сказать, что вертикально водруженные отрасли — нечто совершенно новое в мировой экономике. Преодолеть этот отраслевой подход так и не удалось до сих пор.

Изначально попытки преодоления отраслевой структуры и гегемонии, созданной самими же большевиками, строились из проектной идеи комплексов, рассматриваемых, прежде всего, как примат функции. Сущность экономического районирования была сведена к выявлению народнохозяйственной проблемы, далее — специализации района с учетом его природных и экономических условий. «На основе комплексности осуществляется и развивается объективный процесс социалистического районообразования. Социалистический способ производства отличается от капиталистического возможностью и необходимостью установления гармоничного единства между отраслевым и районным (территориальным) разделением труда» [3, с. 16]. Упование на объективное складывание комплексности как бы само по себе, на естественно складывающуюся гармонию отраслевого и территориального, стало первой «теоретической» уловкой самообмана. В этой функциональности, с необходимостью приводящей к специализации, возникающей раньше, чем собственно комплексность, и кроется изначальная ошибка всего проекта – отраслевые интересы всегда оказываются первыми и довлеющими. Прими тогдашние экономисты доктрину примата интересов территории — и никакой плановой и отраслеориентированной экономики в СССР не возникло бы. Но такой подход был чреват обособлением и автономизацией мест, федеративностью государственного устройства – допустить такое власть для себя не могла, всякие поползновения защиты территориальных интересов были объявлены местничеством, а сторонники местничества подавлялись самыми решительными мерами, вплоть до репрессий и физического уничтожения. Эти фундаментальные допущения естественного в искусственно-техническом, проектном подходе сохраняются в полной мере до сих пор и наукой (региональной экономикой и экономической географией) вовсе не рефлектируются.

Искусственная конструкция советской экономики делала ее чрезвычайно уязвимой, но демпфировать чрезмерный централизм силами районирования как средством управления не удавалось. И тому была капитальная причина.

Европейские города формировали страны и государства (Афины, Рим, Марсель, Барселона и другие примеры), Россия как государство сама строила и создавала города: Свяжск Ивана Грозного, сибирские и американские остроги-города, Засечная линия городов, Петербург, многочисленные города Екатерины II, города Павла I, Николая I, советские города. В 1897 году в России было 377 городов, за годы советской власти

погибло 157, появилось новых 610, итого сейчас в стране 830 городов, из которых 616 (75%) признаны депрессивными [4, с. 17]. Города Европы формировали вокруг себя хозяйственное и культурное пространство, зоны тяготения и провинции — российские города в основной своей массе чужды, агрессивны и враждебны своему окружению, они вытягивают из окружающего их пространства естественные и людские ресурсы, инородны, так как неестественны и призваны обеспечивать интересы не данной местности, а имперские.

Если городское и любое другое территориальное управление на Западе понимается как менеджмент, то есть деятельность, прежде всего, гуманитарная, то в России господствует кибернетический (кибернетика, камера и губерния имеют один корень) подход, который исходит из техницистического взгляда, люди при таком подходе точно такие же объекты управления, как материалы, машины и т.п.

Именно поэтому, несмотря и даже благодаря многочисленным войнам, европейские границы любого таксономического ранга исторически выстраданы, совпадают с природными и кажутся совершенно естественными, в России же — произвольны в силу произвола, породившего их.

Важно отметить, что до революции административное, экономическое, промышленное, аграрное районирование не совпадали. Не совпадали с административными границами также митрополии и учебные округа, коих в России было 17, по числу университетов, возглавлявших их. А еще были, как и в Европе, исторические ареалы: Поморье, Заонежье, Пошехонье, Придонье, Заволжье, Приуралье, Зауралье, Прибайкалье, Забайкалье и другие, теперь уже забытые или редко вспоминаемые. Множество фокусов жизнедеятельности и несовпадение границ были залогом разворачивания самостоятельности, независимости и провинциальности тех или иных мест и территорий.

Уже тогда было понятно: любое специальное районирование подчиняется как целям (исследовательским и образовательным), так и естественно складывающимся закономерностям, административное районирование отражает не столько цели «кибернетического управления», сколько страхи и вполне разумные опасения неуправляемости огромных пустопорожних территорий. Централизованное управление — и в этом нет ничего смешного — требует представления всей страны на одном листе бумаги, а губернии, советские области и постсоветские «субъекты и регионы» никак не уместятся на одной странице из-за своей многочисленности.

Советское экономическое районирование из инструмента и метода научного познания, весьма креативного и плодотворного, превратилось в орудие управления. Это районирование с самого начала только прикрывалось своей экономичностью. Оно было

совершенно административным по своей сути, а экономика играла всего лишь декоративную роль в условиях розыгрыша лозунга об отмирании государства при коммунизме. Впрочем, и сама советская экономика была не совсем экономикой с понятийной точки зрения – она была подмята идеологией, политикой, административно и властно и, как и всякий результат насилия, имела весьма жалкий и противоестественный вид. Как неоднократно подчеркивал Л. В. Смирнягин, административные (а иных и нет) границы в СССР видны из космоса как полосы полнейшего запустения и бесхозяйственности.

Только за десять лет советской власти районирование видоизменилось до неузнаваемости:

1917 год	начало 20-х	канун 1-ой пятилетки
101 губерния	65 губерний	260 округов 4000 районов
812 уездов	413 уездов	
16700 волостей	105 округов	
	1612 районов 5000 волостей	

Понятно, что никакими экономическими потрясениями или бумами это не могло быть вызвано, вообще, рационального объяснения такому районированию не было и до сих пор не придумано: «Районирование не есть прием децентрализации, а наоборот, один из важных методов концентрации сил, внимания, воли, руководства и организации в советском строительстве» [5].

В 1957 году Госплан с подачи ЦК КПСС вводит сетку совнархозов: 105 при 142 ССР без областного деления, АССР, краев, областей и АО (без автономных округов) при одновременной ликвидации 25 отраслевых министерств. Позже было произведено укрупнение этих совнархозов, а в 1965 году они были распущены. Были вновь введены отраслевые министерства. Основание роспуска совнархозов было дано на XXIII съезде КПСС: «Территориальная система управления промышленностью привела к тому, что руководство отраслями промышленности оказалось раздробленным по многочисленным экономическим районам; нарушалось единство технической политики, научно-исследовательские организации оказались оторванными от производства, что тормозило разработку и внедрение новой техники» [6, с. 54].

Госплан и его научные подразделения (СОПС и др.) в 60-е-80-е годы пользовались 18-членной сеткой районов (+Молдавия), подозрительно совпадающая с сеткой военных округов. В конце концов, экономическая сетка районов превратилась в 19-членную. При всей разноголосице этой чересполосицы и вакханалии искусства кройки районов все

географы и региональные экономисты уверяли себя и окружающих в унисон: экономические районы и их ТПК имеют объективный характер.

Плановой экономики нет уже более 20 лет (становление советской экономики заняло менее десяти лет, половина из которых пришлась на Гражданскую войну), но идея экономического районирования и ТПК как промышленной начинки этих районов всё еще жива. Отечественная региональная экономика и экономическая география не в силах отказаться ни от теории ТПК, ни от экономического районирования как средства управления вопреки очевидному несовпадению рыночной и плановой экономик: этот отказ означает, что

— либо региональная экономика и экономическая география существуют без теоретико-методологической основы и по этой причине науками не являются

— либо экономика России имеет лишь рыночные декорации, но по сути своей осталась в парадигме централизованной плановой экономики.

Оба вывода – смертельны и невыносимы. Гораздо проще находиться в блуде и самообмане «переходного периода». До сих пор никого из ученых не шокирует тот факт, что к «объективно существующим» экономическим районам и ТПК применяются такие сугубо технические, целевые средства как планирование и проектирование.

Советское планирование сосуществовало с проектированием, хотя по мнению М.Г. Мееровича, проектная деятельность в СССР была запрещена специальным постановлением ЦК ВКП(б) в 30-е годы на том основании, что эта деятельность – прерогатива партии [7]. Это означало, что деятельность многочисленных проектных организаций сводилась либо в прототипическому проектированию (проектированию по шаблонам и лекалам, производимым аппаратом ЦК), либо нормативному проектированию согласно СНИПам и другим нормативным документам, либо к конструированию из уже имеющихся «кубиков» (так были построены, в частности, градостроительство и районная планировка), либо, наконец, к бумажному «прожектированию» объектов и объемов светлого коммунистического завтра. Тем не менее, согласно Е. Е. Лейзеровичу, имелись принципиальные отличия между планированием и проектированием: *«Промышленное строительство в СССР прочно опиралось на государственное проектирование, которое, в отличие от государственного планирования (план – закон), допускало: а) возможность наличия вариантов решений; б) необязательность реализации всех предлагаемых решений, возможность частичной реализации отдельных решений; в) необязательную жёсткую привязанность реализации проектных решений к конкретным срокам; г) возможность поэтапной реализации проектных решений»*

«Одноразовая» экономика и «одноразовый» человек.

Справедливости ради, надо заметить, что реально планирование и проектирование были неотличимы: такие объекты, как БАМ, КАМАЗ, АвтоВАЗ и многие другие переходили из пятилетки в пятилетку, сами планы ползуче корректировались – и всегда в сторону уменьшения – в ходе их выполнения, что привело к практике 70-80-х годов многовариантности планов и плановых заданий.

При всей так называемой «плановости и долгосрочной перспективности», «научной обоснованности» и т.п. «народного хозяйства» СССР потрясает **одноразовость** всей этой экономики (и именно так в конце концов и случилось!).

БАМ был построен одним поколением и для одного поколения людей: здесь не было и не предусматривалось никакого воспроизводства, например, профессиональных учебных заведений, домов престарелых; сеть роддомов, детских учреждений и школ была предельно разрежена.

Эта одноразовость во многом — наследие идеологии ГУЛАГа, где никакое воспроизводство принципиально невозможно: человек живет своим сроком, после которого (или чаще в ходе которого) либо умирает либо выходит на свободу и в любом случае покидает место своего размещения.

Одноразовость не предполагает перестройки, тем более — демонтажа. Д. Л. Арманд в своей книге «Нам и внукам» предлагал демонтировать волжский каскад гидроэлектростанций, и его доводы были весьма убедительны, но плотины, станции и все гидротехнические сооружения построены так, что их ликвидация технически невозможна.

Одноразовость коснулась не только промышленных, транспортных и энергетических объектов, но и городов, поселений, а, стало быть, и самих людей. Психология одноразового человека, как мы наблюдаем в своей стране, совершенно антиэкологична, бесчеловечна, воинственна, суицидальна и беспощадна к себе, другим людям и окружающему миру. Чем пренебрежительней отношение к человеку, «винтику социалистического способа производства» (Сталин), тем явственнее гигантомания и демонстрация могущества/всемогущества

До революции Россия, будучи пятой промышленной державой мира (после Германии, Англии, Франции и США), была уверенным мировым лидером по концентрации промышленного производства. Это — следствие того, что в стране слишком мало мест и городов, пригодных для экономически эффективного промышленного производства. Кроме того, чрезмерная концентрация промышленного производства призвана была компенсировать техническое и технологическое несовершенство этих производств.

В советское время тенденция гигантомании усилилась, приобрела новые, дополнительные мотивы. Важнейшим было наивное стремление за счет гигантов доказать себе и миру свое промышленное преимущество и превосходство. Вторым — пролетаризация страны и внедрение пролетарской этики, достигаемой за счет того, что человек, включенный в деятельность, должен потерять масштабы и размеры ее, свою сомасштабность (этот механизм описан в новелле Франца Кафки «Как строилась китайская стена»). Третьим — мощь строительного комплекса, требовавшего все более и более величественных и дорогостоящих строек, по эскалации объемов строительно-монтажных работ.

Гигантомания порождала проекты, по большей части, мертвые, но и в мертвом виде — живучие. К ним относятся, по мнению Чистобаева, проект переброски вод северных рек на юг, реанимированный после недолгого затишья Лужковым, трасса Салехард — Игарка («Мертвая дорога») как фрагмент трассы по Полярному кругу от Карелии до Берингова пролива.

Переброска северных рек мотивировалась падением уровня Каспия. Теперь это вековое колебание вернулось к норме, и смысл переброски окончательно потерян: обводнять степи Казахстана? А он просит об этом?

«Мертвая дорога» стоила несколько миллионов жизней — в самые страшные годы войны. Ленгипротранс, эвакуированный в Томск, спроектировал дорогу Салехард — Новый Порт на Ямале (у Сталина, говорят, была сумасшедшая идея проложить железную дорогу до Северного полюса). Дважды, в 1942 и 1943 годах отправлялся огромный конвой с десятками тысяч эзков на эту трассу. Не вернулся никто.

Актом всемогущества СССР и лично Сталина над миром и природой был Сталинский план преобразования природы, включавший в себя невиданные по длине и полноводности каналы, включая Каракумский, заполярные сады стланниковых яблонь, лесозащитные полосы от суховеев шириной до 300 километров и длиной в 2-3 тысячи километров. Много позже выяснилось, что лес высотой до 50-ти метров не в состоянии задерживать воздушные массы высотой до 9–11 километров.

В свое время мне пришлось экспертировать проект канала длиной в 1800 километров и с перепадом высот до 1200 метров, который был призван сократить Восточное плечо Северного морского пути. Если не считать того, что навигация на этом канале занимала бы всего два месяца, автор проекта видел его главным преимуществом занятие на принудительных работах более одного миллиона человек.

Всемогущество подчеркивалось технически: для рытья каналов, а также на открытых горнорудных разработках применялись шагающие экскаваторы (производство «Уралмаша») весом в сотни тысяч тонн. Крупнейший рекордный экскаватор, когда-либо

созданный в СССР/РФ — ЭШ-100/100 (длина стрелы — 100 м, емкость ковша — 100 кубометров, скорость перемещения — 60-80 метров в час). С 1976 г. находился в эксплуатации на разрезе Назаровский, что в Сибири. ЭШ-100/100 эксплуатировался 15 лет, а потом был разворован на металлолом. Тем не менее, в этой гонке металлодинозавров СССР проиграл США. Самый большой в мире шагающий экскаватор «Биг Маски» размером с 22-этажный дом и с ковшом ёмкостью 168 м³ был построен американской компанией «Бьюсайрус Эри» и в течение почти 30 лет работал на угольном разрезе, переместив за свою жизнь объём горной массы, вдвое превышающий объём земляных работ при строительстве Панамского канала.

Гигантомания делала, с военной точки зрения, промышленность страны очень уязвимой, что, собственно, и доказала война 1941-45 годов, когда нам самим пришлось взрывать и уничтожать собственные промпредприятия дабы они не достались противнику: не будь такой концентрации, предприятия можно было бы эвакуировать в значительно большей степени.

Зато критерий «максимальный народнохозяйственный эффект при минимизации народнохозяйственных издержек» позволял варварски относиться и к природе и к людям.

При проектировании крупных промышленных предприятий селитьба рассматривалась главным образом как «спальные цеха» этих предприятий: в целях экономии капитальных затрат жильё обычно было самого низкого качества, а социальная инфраструктура либо по уровню комфорта была еще ниже жилья, либо вообще отсутствовала и потом десятилетиями доращивалась до скудных нормативных показателей; а в целях экономии текущих затрат на трудовые маятниковые поездки селитьба размещалась как можно ближе к производству. Это было настолько распространено, что противоположные примеры найти почти невозможно. При этом горше всего было положение строителей «голубых городов» и «великих трасс»: люди годами жили в палатках и балках. Желдорвойска на БАМе жили в огромных пятидесятиместных палатках: за пределами палатки минус 50° и ниже, по другую сторону брезента — минус 20° и только вокруг печурки в центре палатки — комфортные плюсовые температуры — за место у печки шла смертельная борьба, как и за место у края. Всё это были отголоски империи ГУЛАГА, где зэки были строителями, а, по окончании стройки, превращались в расконвоированных ссыльных рабочих ими же построенных предприятий.

Наука, обслуживающая идеологию.

Для советской экономической науки и практики было характерно размещение под идеологические принципы, несовместимые с заимствованными теоретическими основаниями

Пожалуй, это наиболее принципиальный дефект советской экономики. Идеологические принципы советской экономики носили необычные и непривычные для «нормальной» экономики черты: социальные (выравнивание уровней жизни в различных регионах, выравнивание уровня благосостояния всех слоев общества и т.п.), военно-стратегические (обороноспособность, дублирование, неуязвимость и т.п., яркий пример — БАМ) и государственные (государство — единственный инициатор всех проектов, создания городов и т.п.). Однако для решения размещенческих задач использовались и продолжают использоваться теоретические и иные средства, выработанные в условиях «нормальной» экономики. Это касается и теории штандортов А. Вебера, редуцированной до теории ПТК (ТПК) и энерго-производственных циклов Н.Н. Колосовского, и теории диффузий нововведений (Адамо), и размещенческих идей А. Леша, и расчетов «затраты-выпуск» В. Леонтьева, и теории потенциалов (Бунге), и идей городской микрогеографии Хаггерстранда, и хорологических идей Хаггета и Чорли, и индексов локализации Айзарда («Методы регионального анализа»), и коэффициентов специализации, и территориального консалтинга по увеличению конкурентоспособности М. Портера. Почему-то предполагалось и предполагается, что всё это наследие и заимствование может и будет работать в экономике, построенной в совершенно чуждых для рыночной экономики условиях. Любопытно, что в русском переводе книги Уолтера Айзарда (на титуле он назван В. Изардом) «Methods of Regional Analysis» [8], глава, посвященная кейнсианству, была удалена (правда, забыли перенумеровать страницы). В предисловии А. Е. Пробст пояснил, что «советским читателям вряд ли будет интересна эта информация», расхваливая официальную марксистскую идеологию и методологию экономической науки в СССР. И это — не экзотика, а типичное советское отношение к западной экономической науке: методы — да, методология — чуждая.

Это привело к ряду неожиданных результатов.

Прежде всего, к понятийной катастрофе: у нас сложились совершенно нелепые представления и понятия о прибыли, доходе, индустрии (как полной синонимии с промышленностью), предприятии (при уголовной ответственности за предпринимательскую деятельность до конца 80-х годов), деньгах, инвестициях, кооперации и т.д. Практически весь понятийный аппарат оказался порушенным.

При проблематизации принимаемых размещенческих решений — цели размещения имели неэкономический или даже антиэкономический характер, а средства —

выработанные в экономической среде никто не проводил: страшно. Зато функция науки как партийной подстилки выполнялась неукоснительно. Дело доходило до анекдотов:

На защите докторской диссертации Маслова по Северному Кавказу И. В. Комар поймал диссертанта на том, что тот несколько раз менял свою позицию по поводу свеклосеяния в этом районе — и каждое колебание было после очередного партийного решения по данному вопросу.

Это породило, в конце концов, основной метод планирования и размещения — «сору-paste», бесконечное переписывание проектов и их обоснований, то, что получило название «ползучего планирования», долгостроя и перехода одних и тех же проектов из пятилетки в пятилетку. К таким объектам бесконечного планирования можно отнести уже упомянутые нами БАМ (реально закончен строительством только в 2003 году, спустя 31 год после начала), «Мертвая дорога» Салехард-Игарка (строится уже 70 лет), дорога на Новый Порт (начало строительства 1942 год, завершение — 2011), порт Индига в Баренцовом море, железные дороги Средсиб, Балкомур, АЯМ, медное месторождение Удокан, нефтегазовые месторождения Якутии и т.д. до бесконечности.

Инструмент самообмана.

Для отечественной экономической географии и региональной экономики характерным стало пристрастие к натуральным показателям. Экономическая неграмотность и «головокружение от успехов» книги «Развитие капитализма в России», где на базе примитивного статистического анализа делается попытка серьезных социально-экономических обобщений, привели к тому, что все первые плановые разработки в СССР, начиная с ранних 20-х годов, делались исключительно на натуральных показателях. Практика натуральных показателей сохранилась на всем протяжении советской экономики и даже за ее нынешними пределами.

В это трудно поверить, но межотраслевой баланс и межрайонный обмен также исчислялись в грузовом измерении, точно также и все показатели специализации, рассчитывались по натуральным показателям.

Точно также трудозатраты измерялись, грубо говоря, в «лопато-часах» и объемах земляных работ, без особой дифференциации сложности труда и квалификации занятых [9, с. 228—231]. Натуральные показатели оказались очень удобным инструментом обмана.

В качестве примера. В дореволюционной России урожайность измерялась в показателе «сам-числительное», как соотношение собранного к посеянному или посаженному. Для Вологодской области урожая зерновых колебались от сам-три до сам-семь, что, при норме высева 2.7 ц/га составляло в современных измерениях 8-19 ц/га. Переход на расчет в ц/га привел к весьма печальным результатам. Каждый третий год в

Вологодской области был неурожайным, каждый седьмой — катастрофически неурожайным, а все планы исходили из непрерывного роста урожайности. Чтобы скрыть невыполнение плана в особо критические годы, умышленно занижали посевные площади. В результате за полвека существования колхозов пахотный клин в Вологодской области уменьшился в три раза, а пригодные к пахоте земли признавались лугами, пастбищами или негодьями.

То же самое, гораздо быстрее происходило на целинных и залежных землях Казахстана, где в конце 50-х годов (первые годы подъема целины) урожайность держалась на уровне 5.1 ц/га (менее «сам-два»), а, несмотря на интенсивную распашку, площадь пашни росла очень медленно. В конце концов, это кончилось тем, что, уничтожение весьма тощего плодородного слоя привело к черным песчаным бурям, а вся кампания провалилась.

Доминанта натуральных показателей привела к полному пренебрежению качеством производимой продукции и, что еще тяжелее, обесмысливанию производства и хозяйства. Изучая отчетность Советского Дунайского пароходства за последовательный ряд лет, я обнаружил, что отчет по перевозкам ГИФ (грузы иностранных фрахтователей) в рублевом исчислении имеет регулярно позитивный баланс, а в долларовом — негативный. Ответ работников СДП был потрясающе наивен:

– но ведь это совершенно неважно: главное — тонно-мильная продукция!

Этот парадокс (доходность в рублях, но убыточность в инвалюте) был характерен для всех экспорто- и импортоориентированных отраслей и предприятий. Это немного экстравагантно, но только немного: СССР покупал в Америке зерно, чтобы на вырученные средства (покупалось фуражное зерно, а продавалось на внутреннем рынке как продовольственное) продавать нефть на Кубу.

Недоверие ко всем стоимостным показателям была оправданна еще и потому, что а) цены носили насильственный, декретивный характер и чаще всего отражали политическую ситуацию, а не экономическую, б) стоимостные показатели не могли быть сводимы к единой валюте (наличные и безналичные рубли, инвалютные рубли, СКВ, клиринговые валюты, чеки Внешпосылторга, боны моряков и рыбаков в заграничии и т.п. — всё это не имело прямой кодификации по отношению друг к другу) в) наличие в стране как минимум пяти категорий ценообразования (розничные цены, оптовые цены, особенно в сельском хозяйстве были выше розничных, существовали еще цены «по себестоимости», «партийные цены» и «загранцены»).

Даже критерии эффективности в области размещения промышленности и производительности труда носили более чем условный характер. Согласно А. Пробсту, пользоваться стоимостными показателями здесь нельзя, так как «существующие цены на

разные продукты настолько значительно отклоняются от их стоимости, что они не могут дать точного представления ни о соотношении стоимости различных продуктов, ни о динамике их изменения» [10, с. 27].

В ряде случаев ценовая политика еще как-то могла быть объяснена. Например, практически на всю продукцию сельского хозяйства оптовые цены всегда были ниже себестоимости (издержек) производства, при этом сельхозтехника, химикаты и прочие, необходимые сельскому хозяйству продукты имели заведомо завышенный характер. Это было установлено еще В. Лениным и было призвано держать сельское хозяйство постоянно, планомерно убыточным, а самих крестьян держать в постоянном унижении государственного дотирования сельского хозяйства. В результате колхозам и совхозам, несмотря на государственный нажим на «партийные» (зерновые) культуры, было крайне невыгодно заниматься своей основной деятельностью. С 1964 года и до конца советской власти, СССР импортировал зерно, начиная с 600 тыс. тонн в год до 60 млн. тонн. Если в 1967 году, в разгар косыгинских реформ и на исходе хрущевских, на закупку зерна по импорту было затрачено 50.2 тонны золота, то уже через пять лет — 458.2 тонн [11].

К рекордно абсурдистским оптовым ценам можно отнести также то, что легковые автомобили «Волга» стоили всего 900 рублей, а карьерные самосвалы «БелАЗ» с емкостью кузова 25 кубометров менее 9 тысяч рублей. К этим же рекордам следует отнести оптовую цену на креветки, сдаваемые судами мурманского тралфлота (отваренные, расфасованные и упакованные в килограммовые брикеты) по 2.20 за тонну при розничной цене в Мурманске, Москве и других местах 2.20 за килограмм.

Но и показатели себестоимости также были вне всякой критики, особенно в строительстве, лесной, угольной и других отраслях промышленности, где использовался бесплатный труд эков, военнопленных, трудармий, стройбата, инженерных и железнодорожных войск. Ко всему этому следует добавить, что стоимостные показатели в отраслевой и государственной статистике либо отсутствовали, либо были засекречены, либо, в лучшем случае, скудны и недостоверны.

Не слишком ли поздно махать кулаками и критиковать давно ушедшую советскую эпоху? — Каюсь, очень поздно. Но не безнадежно поздно, потому что гораздо безнадежней сама ситуация: ни советская экономика, ни ее «наука» никуда не делись, мы живем в этом и будем жить, пока:

- не произведем критическую рефлексию и декомпозицию
- не задумаемся о том, что со всем этим делать.

Список литературы и источников:

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/antid-3-03.html> (дата обращения 21.01.2012)
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Седьмое издание. — М: Госполитиздат, 1953. — С. 408—481.
3. Четыркин В.М. О районообразующих признаках в советском экономическом районировании // Вопросы географии. Сб. 41: Экономическая география. — М., 1957. — 303 с.
4. Левинтов А. Е. Городское кладбище // Городское управление. № 1. 2011.
5. Районирование СССР. 1917-1925. — М.-Л.: Плановое хозяйство, 1926.
6. XXIII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет. В 2-х томах. Том 1 — М.: Политиздат, 1966. — 640 с.; Т. 2. — М.: Политиздат, 1966. — 672 с.
7. Меерович М. Г. Государственная организация архитектурно-градостроительной деятельности в СССР (вопросы политической истории советского градостроительства) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569758&fl=5&sl=1> (дата обращения 22.01.2012)
8. Изард У. Методы регионального анализа. — М.: Прогресс, 1966.
9. Ленин В. И. набросок к плану научно-технических работ. ПСС, 5 изд. Т. 36.
10. Пробст А. Е. Проблемы размещения социалистической промышленности. — М., Экономика, 1982.
11. Архивы Политбюро ЦК КПСС были открыты и опубликованы историками А. Коротковым и А. Степановым.